

Москва. — 1991. — (N17). — С. 7.

Я — УБЕЖДЕННАЯ ФЕМИНИСТКА!

— Маша, вы сопresident международного феминистского клуба «Гармония»...

— Вы хотите спросить, как я стала феминисткой? Все началось с того, что мы с драматургом Еленой Греминой, сопresidentом клуба «Гармония», попали на симпозиум европейских феминисток, познакомились с лидерами этого движения в Америке, Германии, Франции. В общении с ними мы поняли, чем наши пьесы совсем недавно не устраивали нашу мужскую режиссуру и министерских закупщиков, — это как раз то, что составляло нашу женскую суть, нашу силу. После этого я декларировала себя в качестве феминистки и на этом стою. Я вроде Кампанелла: вечно придумываю, как построить для всех город Солнца. Воспитанная на русской литературе, естественно, стремлюсь к всеобщему счастью, и в юности даже пошла на философский факультет, но поняла, что это не тот путь, и занялась поисками алгоритма, который помог бы выстроить если не огромную, то хотя бы свою, маленькую Вселенную. Я осознала, что колоссальный резерв, которым не пользовалась наша цивилизация, — это все, что связано с женской культурой, женской системой ценностей, с той колоссальной женской энергетикой, которой практически вовсе не реализуется. И, неиспользованная, разрушает саму женщину. Отсюда — сумашествия, пьянство, наркотики, онкология.

Знаю, что весной в Дубне состоялась конференция под лозунгом «Демократия минус женщина — не демократия».

— Чудо, что она состоялась! Столько было препятствий; провокации в прессе. Я была счастлива, увидев, какие дивные у нас есть женщины, как деловые женщины между прочим, за чашечкой кофе, покупали пароходы, обсуждая семейные проблемы, запросто распоряжались миллионами... Огорчил меня только «кухонный» уровень нашего феминизма, когда все сводится к тому, что если всем выдать феминистские партилеты, сразу станет хорошо.

— Значит, вы против создания феминистской партии?

— Я — убежденная феминистка! Но нельзя его навязывать с автоматом Калашникова в руках.

— У многих феминизм ассоциируется с толпой возбужденных женщин, потрясающих лозунгами и плакатами. Как вы представляете его истинную суть?

— В нашей стране (так уж сложилось) маршевая символика — неотъемлемый атрибут тоталитарности. Поэтому мне кажется, что там где марш — не феминизм, а фаллократия наизнанку. Феминизм с безумно научными докладами, криками — это уже обратная его сторона — антиидея. И увеличение тиража «Работницы» — тоже не феминизм. И лесбиянство — вывернутый наизнанку феминизм: эти два понятия, одно время шли тесно рядом, и в глазах женщин, по-женски не состоявшихся, адекватны полноправно.

— В нашей стране, почти

не знакомой с феминизмом, он, наверное, имеет свои особенности?

— Он очень грустно выглядит: все-таки у нас долго определяющим был домострой. Но известные исследования — замечательная апология бабы-Яги Нателлы Малаховской, — подтверждающие, что в эпоху матриархата, в языческие времена, верховным жрецом была женщина. Вскоре будет публикация Н. Малаховской, высланной в свое время за феминизм и живущей в Зальцбурге, в альманахе «Теплый стан». Ее исследование на основе структурного анализа сказок перевернуло весь Запад: по сказкам выходит, что наша баба-Яга — верховный жрец, а совы, коты — ее свита. Ведь сказки наши подверглись остракизму, фигура Яги утратила значение мощного сексуального символа. Между тем это не бесполое существо, эта мать матерей, помогающая советом, награждающая достойных.

У нас же изначальная прореха в структуре мышления: даже законодательство строится по нездоровой схеме, когда дело касается женщины. Если к очереди подходит алкоголик, все распускаются, а если беременная женщина, ее в этой очереди родить заставят, но не пропустят. В телефонном справочнике, заметьте, вначале указаны организации, управления, а детские сады, роддома — не сразу и отыщешь. Получается, на первом месте — танк, а ребенок — дело десятое. Надо бы задуматься, почему в Москве минувшая рождается, — москвички не хотят рожать мутантов. Вместо того,

чтобы выращивать цветы и смотреть на море, нося ребенка, наши женщины подвергаются в обществе сознательно издевательскому отношению. А ведь мужчины, которые пишут законы, не из пробирки получились, а из той же мамы, которая и в очереди стояла, и в женской консультации унижалась. У нас изначально потеряна культура восприятия женщины. И не стоит в этом смысле идеализировать Запад — там, в общем, то же самое, только упаковано лучше.

— Видимо, осознание женщиной своей ответственности надо культивировать прежде всего в семье?

— Конечно. Грустно делается оттого, что люди из поколения в поколение ничему не научаются. Есть же целая наука о браке. А мы мучаемся, изобретаем велосипед — каждый в своей семье и становимся от этого постепенно инвалидами. Мы с мужем прожили пятнадцать лет: учились всему сами, но на каком чудовищном опыте! Слава Богу, было что-то, удерживавшее нас вместе. А половина сверстников — в разводах, дети кочуют из брака в брак и, конечно, создадут такие же неполноценные семьи, порождающие детей-невротиков. Только семейная культура дает устойчивость человеку. Должна быть литература для мужчин и женщин — не о физиологии, а о психологии, драматургии брака, чтобы мы не шли ощупью к элементарным вещам. Существует разговор: хорошего мужа делает жена. Она должна знать — как. И этому должны ее научить мать, бабушка. Как принято на Востоке, где не де-

лают постыдной женскую природу. Мать передает девочке науку любви, как передаются по наследству серьги и парные браслеты. Я очень горюю, что у меня нет дочери, только два сына. Я бы научила ее всему, но — как говорится, бодрливой корове Бог рог не дает. Поэтому я призываю всех женщин воспитывать дочерей так, чтобы готовить их к браку, подобного которому они хотели бы для себя. И надо сохранять семью, если брак не грозит потерей личности.

Я считаю, что счастье — это когда вместе, когда семеро по лавкам, когда бабушка, бабушка, и внучка, и Жучка... Тысячи людей живут отдельно, и им кажется, что это свобода. Это мнимая свобода! Все игры в западную свободу меня огорчают: от этого получают никому не нужные дети. Там старики ходят по клубам, а их внуков «пасут» чужие люди, которые детей-то этих ненавидят и берутся с ними сидеть, чтобы заработать лишний доллар. А ведь знаете, горят, перед лицом Всевышнего гораздо важнее вытереть слезу ребенку, чем построить храм.

А наша школа? Это просто сесть и заплакать! Правда, сыновья мои учатся в гуманитарно-эстетическом лицее. Там работают воистину святые люди, они преподносят умные уроки молодежи. У них существует кодекс чести, и за нарушение его, за оскорбление достоинства кого бы то ни было, их просто исключают.

— Маша, и все-таки главное — вы драматург. Давайте поговорим о «фе-

минизме» в драматургии — о женском театре...

— Это — большое. У нас нет женского театра, женской режиссуры: девушек не берут на режиссуру, так же, как и в дипломаты, летчики. Хотя мнение, что режиссура — это не женская профессия — глубоко наив. А тем временем нашим актрисам нечего играть — нет женских ролей, существуют лишь мифы о них, на которые привычно ориентируется зритель. Вот и получается сплето-глухонемой идеал, как в известном анекдоте. А ведь на самом-то деле любая героиня — с кишками, с мозгами, с проблемами, с социальной ответственностью, одним словом, — человек!

Идеализировавшая женщина литератора не давала подспорья в формировании ее личности. Если женщина-интеллектуалка начинала создавать себя как личность, она шла по пути, проложенному героями-мужчинами. Это были не Татьяна, — а Онегин, не Белла, — а Печорин. А когда женщина смело входила в жизнь, то слышала закономерное: ты мужик в юбке, посмотри на себя, ты должна жарить котлеты и утирать детям носы! Женская драматургия показывает живых женщин, а не литературный идеал. Очень надеюсь, что поскольку появился новый тип женщин во всем мире, то появится и женская литература, и уже она будет формировать наших дочерей полноценными. Кстати, чтобы будущее поколение не бросалось в простицию, потому что им не привита ни культура ува-

жения к полу, ни уважение к телу. Ведь это происходит там, где не уважают девочку, девушку, женщину в доме, семье.

— Опять все замыкается на семье. Вот и в ваших пьесах в центре всегда стоят сложные отношения людей близких или бывших близкими когда-то...

— Здесь мне было довольно трудно: мужчины, читавшие мои пьесы, выворачивали их наизнанку. Про «Уравнение с двумя известными» вообще кричали, что я суфражистка, что в пьесе нет мужчин, а есть чуело мужчины, которое насилует женщину. На самом деле это пьеса-реванш: просто женщина предъявляет счет человеку, который сломал ей жизнь. Такие истории происходят с девятью десятиями при нашей системе безответственности. За эту пьесу меня трепали за уши лет десять, кричали, что я клевету на советскую медицину. И вдруг я открываю журнал «Работница» и вижу там приказ Министерства здравоохранения, один из пунктов которого гласит о запрещении абортов в помещении с минимальной температурой! Я подпрыгнула на месте, поняла: со своей безобидной пьесой я просто кроткая овечка!

В другой моей пьесе — «Виктория Васильевна глазами посторонних», главная героиня — певица, у которой в жизни в общем-то все прекрасно, но нет душевной стабильности. У нее есть муж, с которым все сложно, есть любовник, который за ней бегает, и есть возлюбленный, который женат, гораздо старше, и он один понимает ее со своей житейской умудренностью. Конечно же, совершенно непереносимо для мужской режиссуры и критики, когда Виктория на протяжении пьесы разбирается со своими мужчинами. Меня обвинили в унижении человечества, когда я дала им имена — Блондин, Брюнет и Шатен. Что же обижаться? Это не обиднее, чем назвать женщину Блондинкой. Почему только к женщине можно относиться, как к породистой лошади? Почему мужчины, считающие себя интеллигентными, не стыдятся смотреть на женщин, как на ботинок, который они примеривают на себя...

— Как же выстоять нашим женщинам в столь сложных обстоятельствах? Неужели нам так и не обрести себя?..

— Я всегда саркастически относилась к словам, что в Москве самые красивые женщины. Но, как только пересекла границу Европы, убедилась, что это правда. Не в пример красавицам Запада наши женщины очень самобытны. Мне кажется, все в наших руках. Феминизмом и гармонией все должны начать заниматься в своей семье: сделать дом красивым, ребенка защищенным, дать мужу чувство уверенности в себе и сознание собственной силы. И — тогда все пойдет само собой: вокруг женщины начнет вырабатываться иная действительность...

Беседу вела Ирина СИЛАНТЬЕВА.